

Фролова Наталья Викторовна

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 20-30-Е ГГ. XX ВЕКА:
ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСА ИСТОЧНИКОВ**

В статье представлена характеристика комплекса источников, необходимых для раскрытия государственной политики в области историко-обществоведческого образования на территории севера Западной Сибири в 20-30-е гг. XX века. Основное внимание в работе автор акцентирует на возможностях использования отдельных групп источников для изучения основных вопросов в сфере становления историко-обществоведческого образования, также выделяет ряд затруднений, возникающих при работе с источниковой базой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/53.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 203-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

WAYS OF PERSONNEL PROBLEMS SOLUTION AT FOOD INDUSTRY ENTERPRISES OF VOLGA REGION IN 1938-1941

Sergei Gennad'evich Filatov, Ph. D. in History
*Department of Economics, Administration and Natural Resources Management
Russian State Social University (Branch) in Penza
filatov_sg@mail.ru*

The author discusses the problem of food enterprises personnel ensuring in Volga Region in 1938-1941, considers the measures against personnel turnover attempted by the state, reveals the following reasons of personnel reduction: personnel redeployment to defense plants, mass military conscription to the Red Army, wage growth backlog from inflation level, failure to resolve housing problem, and shows that the measures to strengthen the country's defense capability, which were ongoing in the prewar period, greatly weakened food enterprises personnel potential.

Key words and phrases: labour productivity; labour discipline; personnel turnover; personnel redeployment; male labour replacement by female labour; labour force disengagement; wage growth backlog from inflation level.

УДК 94(47).084+37.014

В статье представлена характеристика комплекса источников, необходимых для раскрытия государственной политики в области историко-обществоведческого образования на территории севера Западной Сибири в 20-30-е гг. XX века. Основное внимание в работе автор акцентирует на возможностях использования отдельных групп источников для изучения основных вопросов в сфере становления историко-обществоведческого образования, также выделяет ряд затруднений, возникающих при работе с источниковой базой.

Ключевые слова и фразы: государственная политика; источники; историко-обществоведческое образование; север Западной Сибири.

Наталья Викторовна Фролова

*Кафедра социально-гуманитарных дисциплин
Сургутский государственный педагогический университет
frolova_nv@mail.ru*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИСТОРИКО-ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 20-30-Е ГГ. XX ВЕКА: ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСА ИСТОЧНИКОВ[©]

Изучение вопросов государственной политики в области историко-обществоведческого образования является актуальной темой исследований на протяжении всего XX в. Ее значимость обусловлена той ролью, которую играет гуманитарное образование в истории любого общества и государства. Особое внимание в научных трудах уделяется проблеме становления и развития историко-обществоведческого образования в школе в первое десятилетие Советской власти [12; 28; 31]. Это связано с тем, что именно в этот период закладывалась совершенно иная модель преподавания гуманитарных дисциплин.

В начале 20-х гг. XX в. изменению подверглись все компоненты образования: цели образовательной политики Советского государства, принципы обучения; абсолютному пересмотру подлежали содержание историко-обществоведческих дисциплин и методика их преподавания. Особое внимание уделялось расширению сети школ на периферии, подготовке педагогических кадров. При этом процесс реформирования системы образования в разных регионах страны имел свои трудности, свои темпы и результаты.

На сегодняшний день отсутствуют обобщающие работы по вопросу государственной политики в области историко-обществоведческого образования на территории севера Западной Сибири в 20-30-е гг. XX в., хотя источниковая база позволяет провести комплексное исследование по данному вопросу.

Цели и задачи, ставящиеся государственной властью перед системой образования, нашли свое отражение, прежде всего, в официальных партийно-государственных документах: в законах СССР и РСФСР, декретах и постановлениях съездов Советов и сессий ВЦИК, решениях партийных съездов и пленумов, правительства, Наркомата и Министерства просвещения РСФСР, Программе Коммунистической партии, постановлениях ЦК ВКП(б) о школе [14; 16], постановлениях и директивах Уралобкома ВКП(б), Остяко-Вогульского окружкома ВКП(б) [32]. Эти документы позволяют выявить характер образовательной политики, деятельность властных структур по развитию школы.

Первые декреты новой власти дают сведения о кардинальных изменениях в целях обучения, а это, в свою очередь, отразилось на всей последующей системе преподавания. После Октябрьской революции

правительство приступило к созданию новой школы. 9 ноября 1917 г. был подписан первый декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению. В нем были поставлены следующие задачи: достижение всеобщей грамотности населения, введение всеобщего и бесплатного обучения, организация учительских институтов. В 1918 г. принято «Положение о единой трудовой школе» и одновременно опубликована «Декларация о единой трудовой школе». Эти документы выдвинули на первое место задачи всесторонней демократизации школы.

Протоколы заседаний коллегии Наркомпроса и Министерства просвещения, их постановления, переписка с вышестоящими органами и подведомственными учреждениями, стенограммы совещаний [7; 8] дают возможность проследить процесс формирования в 1920-е гг. принципов построения советской школы, выработки основ образовательной политики в последующие годы.

Документы Государственного ученого совета (ГУС) Наркомата просвещения РСФСР и Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) Наркомпроса способствуют выявлению назревших противоречий в образовательной политике 1920-х гг. и причин, обусловивших отход от экспериментальных идей того периода и коренную перестройку всей системы школьного образования в начале 1930-х гг. [10].

В отчетах пленумов, докладах, резолюциях, постановлениях ЦК партии, а также протоколах комиссий, работавших на съезде по специальным вопросам организации и развития школьного исторического образования в стране, представлен основной содержательный материал о конкретной педагогической ситуации, существующей в школах [6; 9].

Из документов Коммунистической партии следует отметить постановления ЦК ВКП(б) о характере и направленности преподавания истории в школе [18]. Важное место среди данной категории документов занимает постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», положившее начало преподаванию истории в школах страны. Прежде всего, это постановление покончило с той путаницей, какая имелаась в то время в понимании истории как науки и учебного предмета. В документе партия и правительство требовали, чтобы в школах СССР изучалась гражданская история, которая должна охватывать все стороны исторической жизни общества. Своим постановлением от 9 июня 1934 г. «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР» партия и правительство на долгие годы определили систему и содержание исторического образования в младших и средних классах.

Важное значение для понимания процессов, протекавших в образовательной системе в 20-30-х гг. XX века, имеют материалы периодической печати. С одной стороны, они позволяют проследить эволюцию государственной политики по отношению к перестройке образования, с другой стороны, оценить взгляды современников изучаемых исторических событий, выявить различия во мнениях относительно проблем школьного образования и путей его реформирования. В данную группу источников следует включить материалы таких центральных изданий, как «Бюллетень Наркомпроса РСФСР», «Комсомольская правда», «Правда», «На путях к новой школе», «Народное образование», «Советская педагогика», «Учительская газета» (переименована в «За коммунистическое просвещение»), «Народное просвещение» и др.

Центральный орган партийной печати – газета «Правда» – публиковал на своих страницах официальные материалы, комментарии и отклики на них со стороны деятелей партии и правительства, известных специалистов по тому или иному вопросу, рядовых коммунистов.

Партийно-государственную политику в сфере народного образования отражал «Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР», выходивший с некоторыми перерывами в 1918-1929 годах. В 1930-1935 годах «Еженедельник» выходил под названием «Бюллетень Народного комиссариата просвещения РСФСР», в 1935-1941 годах – «Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР».

Журнал «Народное просвещение», издававшийся в 1918-1930 годах, в первые годы существования выходил в двух вариантах – как еженедельник в Петрограде (правда, периодичность выхода часто нарушалась) и как ежемесячник в Москве, но начиная с 1923 года перешел только на ежемесячную систему публикаций. Поэтому если в первые годы издания журнал преимущественно выполнял функции бюллетеня Наркомпроса, то позднее он больше внимания уделял вопросам школьной политики и её практического преломления, распространял передовой опыт работы.

В целом именно законодательные материалы позволяют подвергнуть анализу многие аспекты реализации государственной политики в области историко-обществоведческого образования, выявить принципиально важные вопросы его реформирования. Периодическая печать дает возможность детализировать становление историко-обществоведческого образования, а также более тщательно рассмотреть конкретную образовательную ситуацию, характерную для школ в 20-30-е гг. XX в.

В соответствии с новыми целями образования коренному пересмотру подверглись содержание историко-обществоведческих дисциплин и методика их преподавания.

Специфическими источниками для изучения вопросов, связанных с изменением содержания предметов и способов организации учебной деятельности, являются документы учебного и программно-методического характера. Они представляют собой наглядный материал, демонстрирующий практическую реализацию принимаемых властью решений [11; 13; 24; 27]. Анализу следует подвергнуть учебные планы и программы, объяснительные записки к ним, учебники и учебные пособия по общественно-историческим предметам,

допущенные к использованию в средней школе, методические указания и пособия для учителей по вопросам преподавания истории и обществознания в школе.

Важнейшей группой источников для исследователя в области содержания и способов организации учебного процесса в рамках дисциплин историко-обществоведческого блока является делопроизводственная документация.

Здесь особый интерес представляют отчеты и докладные записки Народного комиссариата просвещения за истекшие учебные годы о состоянии преподавания истории и обществоведения в школах, протоколы и стенограммы заседаний отдела реформы школы, его комиссий, коллегии Наркомпроса, учебно-методического Совета по вопросам издания учебников, инструктивно-методические письма о преподавании курсов истории и обществоведения в общеобразовательных учреждениях, переписка с городскими, районными отделами народного образования, а также отчеты, справки о результатах инспекторских проверок методистами институтов усовершенствования учителей качества преподавания в школах истории и уровня знаний учащихся по рассматриваемой дисциплине.

Основу исследования данного вопроса могут составить документы, находящиеся в фонде «Свердловский областной отдел народного образования» (Ф. 233), хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО); материалы фонда 80 «Тюменский губернский отдел народного образования», фонда 84 «Тюменский окружной отдел народного образования», фонда 869 «Тюменское педагогическое училище», хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области (ГАТО). В документах отражаются различные аспекты политического руководства системой образования в общесоюзном и региональном масштабах. Положения, уставы, постановления, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, решения и другая организационно-распорядительная документация Народного комиссариата просвещения, губернских, городских, районных отделов народного образования и образовательных учреждений позволяют определить характер деятельности данных учреждений в решении важнейших вопросов, касающихся системы образования в целом, изучения и преподавания истории и обществоведения в частности. В этих документах находят отражение не только теоретические подходы власти к преподаванию гуманитарных дисциплин, но и конкретные мероприятия по реализации образовательной политики.

Также значительный пласт необходимого материала можно почерпнуть в периодической печати как всесоюзного, так и регионального уровня.

Журнал «На путях к новой школе» являлся печатным органом научно-педагогической секции Государственного ученого совета (ГУС) в 1922-1932-м гг. Главной целью редакции, которую возглавляла Н. К. Крупская, было показать абсолютно новый и передовой строй советской школы. В связи с этим журнал был адресован более широким, чем педагогические, слоям населения. Его публикации касались вопросов преподавания и воспитания, в них давались рекомендации практической направленности. Нередко редакция предоставляла страницы журнала провинциальным педагогам-практикам.

Журнал «Народный учитель», издававшийся в 1924-1935 гг., являлся органом ЦК Союза работников просвещения (Рабпрос). Адресованный, прежде всего, педагогам-практикам, он большое внимание уделял вопросам коммунистической пропаганды в педагогических кругах и, соответственно, вопросам формирования классового коммунистического мировоззрения у учащихся.

Журнал «Обществоведение в трудовой школе» изначально задумывался как неперiodическое издание – сборник статей. Но, видимо, колоссальная востребованность материалов по данной тематике привела к тому, что издание стало периодическим. Под указанным названием журнал выходил в 1927-1930 гг. В 1931-1932 гг. название поменялось на «Обществоведение в советской школе». В 1932-1933 гг. название изменили на «Обществоведение, история и география в политехнической школе». Начиная с 1934 г. журнал выходил под названием «История в средней школе». Сама эволюция названия издания показывает направление реформирования системы общественно-политического образования в середине 1920 – первой половине 1930-х гг. На страницах журнала публиковались работы по вопросам реформирования системы общественно-политического образования, материалы научно-методического характера, практические рекомендации для обществоведов, работающих в школах.

Вопросы школьного реформирования поднимались в журналах «Коммунистическое просвещение» (1920-1936 гг.), «За коммунистическое просвещение» (1926-1932 гг.). Статьи, посвященные реформированию школьного общественно-политического и исторического образования, также издавали журналы «Историк-марксист» (1926-1941 гг.) и «Борьба классов» (1931-1936 гг., с 1937 года выходил под названием «Исторический журнал»).

Среди местных периодических изданий стоит особо выделить газету «Трудовой набат», на страницах которой, особенно в 1920-е годы (время, когда проблемы общественно-политического образования и воспитания решались на самом высоком партийно-правительственном уровне), широко освещалась практическая работа школ [4, с. 2; 20, с. 3; 25, с. 3]. Необходимо отметить, что вопросы образования освещались наравне с вопросами хозяйственной жизни края. Особое внимание уделялось процессам школьного строительства и школьного образования, авторами статей и заметок часто являлись работники органов образования, сами учителя и ученики, а также простые граждане.

Затруднением при изучении вопросов государственной политики в области историко-обществоведческого образования является отсутствие детальной информации о деятельности отдельных школ на севере Западной Сибири. Исключение составляют лишь учебные заведения наиболее крупных

населенных пунктов – Березово, Самарово, Сургут и отчасти Обдорск. Подавляющее большинство школ являлось малокомплектными. Объективно не могло сохраниться много информации о находившемся в далекой сибирской глубинке учебном заведении, насчитывавшем 10-20 учеников при одном учителе. Сами педагоги в массе своей не были настолько разносторонними и творческими людьми, чтобы оставить после себя значительные публицистические произведения или другие источники, позволяющие раскрыть конкретную образовательную ситуацию в отдельных школах севера Западной Сибири в 20-30-е гг. XX в.

На вопросы, связанные с педагогическими кадрами, их положением и квалификацией, с контингентом учащихся, в том числе по национальному и социальному составу, можно найти ответы в материалах статистики.

Статистические сведения были собраны и приведены в ряде работ, авторами которых являлись служащие, руководившие системой образования на севере Западной Сибири в 20-30-е гг. XX века. Вопросы состояния и перспектив развития школ освещались в различного рода отчетах, обзорах, составленных к областным съездам по народному образованию [5]. Однако в целом следует отметить, что краткость и суммарность этих данных статистики не дает возможность рассмотреть вопросы становления и развития историко-обществоведческого образования в конкретных деталях.

Следует отметить, что статистические данные также можно почерпнуть как в отдельных статьях, так и в общих работах по истории народного образования Тюменского края. Из числа коллективных трудов здесь могут быть названы такие работы: «Школа и учительство в Сибири: 20-е – начало 30-х годов», «Тюменская школа в XX веке», «Народное образование, наука и культура в СССР» [19; 30; 32]. Из исследований отдельных авторов заслуживают внимания работы А. Г. Базанова, Н. Г. Казанского, М. Е. Бударина, Д. В. Горденко, Л. Е. Киселева, Г. А. Мазуренко, Ю. П. Прибыльского [2; 3; 15; 17; 22]. Однако, в большинстве своем, в представленных работах статистические данные не подлежали полноценной критике и, как следствие, отражали завышенные показатели.

В целом статистическим источникам по истории образования присущи недостатки официальной статистики: не всегда количественные данные подавались в срок, поэтому они представляют собой неоднородные сведения, имеются противоречия в показателях по сети учебных учреждений, количеству учащихся и учителей (например, по данным на начало и конец учебного года). Несмотря на это, они позволяют выявить общую динамику развития школьной сети, количества учеников и учителей в школах.

Для полноты исследования необходимо освещать в том числе и трудности, с которыми сталкивалось правительство, региональное руководство, а также простые учителя при строительстве нового типа образовательных учреждений.

Большинство публикаций в местной периодической печати («Трудовой набат», «Красное знамя», «Советский Север», «Остяко-Вогульская правда») посвящено проблемам организации школьного образования (нехватка помещений, низкая квалификация учительства и задержка по выплате заработной платы учителям, отсутствие методической литературы), состоянию организации ликвидации неграмотности, планированию работы местными органами власти по обучению взрослого населения. Достаточное место отводилось описанию практического опыта учителей, материалам дискуссионного характера.

Определенное значение для раскрытия данного вопроса имеют также источники личного происхождения, например письма и воспоминания учителей и учеников. В своих воспоминаниях, представленных в периодической печати того времени, а также содержащихся в сборнике воспоминаний «Истории школы в истории судеб», учителя рассказывают о своей работе и о тех или иных проблемах, с которыми они столкнулись в своей педагогической деятельности. Так, А. И. Силин, ветеран педагогического труда, вспоминает о том, что в их Урьевской национальной школе из всего оборудования насчитывалось пять парт, классная доска и один табурет, были трудности с пропитанием [26, с. 56-60].

Интересные эпизоды жизни одной из школ Тюменского края представлены в воспоминаниях учителя Алексея Ослина. Он также отмечал тяжелое материальное оснащение школ, при этом школьное здание вообще отсутствовало, занятия проходили в часовне, учителям на первых порах пришлось вступить в бой с местным населением по вопросу отмены преподавания Закона Божьего [1, с. 50-53].

Важным источником информации о становлении системы школьного образования в г. Сургуте в 20-30-е гг. XX в. являются воспоминания А. С. Знаменского, а также работы его учеников [23; 29].

Огромный вклад в расширение базы источников личного происхождения и публикацию материалов об истории Тобольского Севера в начале XX в. внес В. К. Белобородов. В издаваемом под его редакцией краеведческом альманахе «Подорожник» увидели свет дневники, воспоминания, частная переписка, газетные и журнальные статьи людей, чья жизнь так или иначе была связана с Югрой. В своих сочинениях они затрагивали вопросы образования и просвещения [21].

Таким образом, использование источников личного происхождения позволяет раскрыть тот пласт проблем, который входит в понятие повседневной истории – интересы и увлечения педагогов за пределами школьных стен, их жизнь и быт.

Подводя итог, следует отметить ряд затруднений при работе с источниковой базой. Определенную сложность создает то обстоятельство, что территория севера Западной Сибири в современных административных границах (Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) в период с конца XIX века по 1932 г. неоднократно передавалась в подчинение различным административно-политическим центрам. Все это затрудняет обобщение и сопоставление статистических данных.

Другая сложность – периферийность региона относительно основных административных, экономических и культурно-просветительских центров Сибири, из-за чего история школ, их повседневная деятельность лишь эпизодически отражались в публицистике, научной литературе.

Третья проблема состоит в плохой сохранности первичной отчетности, исходящей непосредственно от учебных заведений. В сводных отчетах информация приводится, как правило, в суммарном виде. Указанный пробел отчасти может быть восполнен за счет выявления непосредственно исходящей документации учебных заведений в фондах учреждений, руководивших народным образованием.

Четвертое затруднение – неполнота, отрывочность информации по многим важным вопросам становления и развития историко-обществоведческого образования на севере Западной Сибири в 20-30-е гг. XX века. В частности, сохранилось очень мало сведений, раскрывающих биографии учителей, их творческие портреты и личностные характеристики. Недостаточно данных и о взаимодействии школ с местным населением, о ранних этапах становления образовательных учреждений на севере Западной Сибири, о внедрении новых программ по отдельным предметам, в том числе и по историко-обществоведческому циклу. Более детальные данные имеются по вопросам финансирования школ, материального положения педагогического состава. Именно организационно-финансовым вопросам (финансирование, содержание школьных зданий и помещений, снабжение учебными пособиями и т.п.) посвящена значительная доля переписки между директорами школ и вышестоящими учреждениями.

Тем не менее объем и многообразие рассмотренных выше групп источников в целом позволяют воссоздать эволюцию государственной политики в области историко-обществоведческого образования на севере Западной Сибири в 1917-1934-е гг.

Список литературы

1. Анисимова Н. А. От бursы – до «красных учителей» // Тюмень литературная. 2003. № 4.
2. Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. 207 с.
3. Бударин М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1968. 476 с.
4. Васильев В. Важные решения по делу народного просвещения // Трудовой набат. 1924. 24 октября.
5. Вопросы руководства просвещением Урала: материалы ко II-му областному съезду по народному образованию. Свердловск, 1927. 224 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Совет Народных комиссаров РСФСР, Совет министров РСФСР.
7. ГАРФ. Ф. А-298. Государственный ученый совет (ГУС) Наркомата просвещения РСФСР (1919-1933 гг.).
8. ГАРФ. Ф. А-1575. Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос) Наркомата просвещения РСФСР (1921-1930 гг.).
9. ГАРФ. Ф. А-2306. Наркомат просвещения РСФСР (1917-1946 гг.), Министерство просвещения РСФСР (1946-1988 гг.).
10. ГАРФ. Ф. Р-5490. Совет Всероссийского учительского союза (ВУС). (1917-1918 гг.).
11. Дзюбинский С. Д., Жаворонков Б. Н., Сингалевич С. П. Очерки методики обществоведения в школе II ступени. Казань: Татиздат, 1927. 234 с.
12. Дик А. А., Слезин А. А. Обзоры политических настроений как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 4. С. 1044-1046.
13. Жилинская А. Н. К вопросам методологии и методики обществоведения. Л.: Кубуч, 1928. Вып. 1. 207 с.
14. Из истории культурного строительства в Тюменской области: сборник документов 1918-1975 гг. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1980. 392 с.
15. Киселев Л. Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 – июнь 1941 г.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 236 с.
16. Культурное строительство в СССР: 1917-1929: документы и материалы / отв. ред. А. П. Нефедов. М.: Наука, 1989. 381 с.
17. Мазуренко Г. А. Партийное строительство на советском Севере в период построения социализма. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. 219 с.
18. Народное образование в СССР: общеобразовательная школа: сборник документов: 1917-1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, И. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. 560 с.
19. Народное образование, наука и культура в СССР: статистический сборник. М.: Статистика, 1977. 448 с.
20. Партнец. В нашей партии. Ячейки шефствуют над школами // Трудовой набат. 1924. 25 октября.
21. Подорожник: краеведческий альманах / ред.-сост. В. К. Белобородов. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. Вып. 6. 384 с.
22. Прибыльский Ю. П. Школа тюменского края в XVIII-XX вв.: к трехсотлетию сибирской школы. Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 1998. 112 с.
23. Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут: Диорит, 2005. 256 с.
24. Программы для первого центра школ II ступени (5, 6 и 7 годы обучения). М. – Л.: Госиздат, 1925. 208 с.
25. Работа школы II ступени развертывается // Трудовой набат. 1924. № 31.
26. Силин А. И. Народное образование в Сургутском районе в 1920-е – 1930-е гг. // Югра. 2001. № 5.
27. Сингалевич С. П. Обществоведение в трудовой школе: методическое руководство. М.: Работник просвещения, 1925. 138 с.
28. Слезин А. А. Политическое просвещение молодежи 1920-х годов как звено системы политического контроля // Политика и общество. 2010. № 3. С. 52-59.
29. Тропа жизни учителя Знаменского / ред.-сост. В. К. Белобородов. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. 336 с.
30. Тюменская школа в XX веке: хрестоматия / науч. ред. и рук. проекта Ю. П. Прибыльский. Тюмень: Вектор Бук, 2002. 336 с.
31. Чемоданова Т. В. Политическое воспитание учащейся молодежи в системе школьного обществоведения в 1920-х – начале 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5. Ч. 4. С. 207-210.
32. Школа и учительство в Сибири: 20-е – начало 30-х годов / отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1978. 191 с.

**STATE POLICY IN HISTORICAL AND SOCIAL SCIENCE EDUCATION SPHERE
WITHIN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 20-30S OF THE XXTH CENTURY:
CHARACTERISTICS OF SOURCES COMPLEX**

Natal'ya Viktorovna Frolova
Department of Social-Classical Disciplines
Surgut State Pedagogical University
frolova_nv@mail.ru

The author presents the characteristics of sources complex required for the revelation of state policy in historical and social science education within the north of Western Siberia in the 20-30s of the XXth century, pays special attention to certain sources groups use opportunities for the study of basic questions in historical and social science education formation sphere, and determines a number of difficulties that arise when working with sources base.

Key words and phrases: state policy; sources; historical and social science education; north of Western Siberia.

УДК 94(47).082+[347.9:392.24](470+571)

В работе исследуются социальные, правовые и конфессиональные аспекты интеграции «ритуальных» мифологем в систему российского судопроизводства. Статья посвящена «Люцинскому делу» – уникальному феномену среди подобного рода громких процессов, где отсутствие нарратива «кровавого навета» компенсировалось мифами религиозной нетерпимости и особенностями семейно-брачных отношений.

Ключевые слова и фразы: ритуальный процесс; судопроизводство; кровавый навет; конфессия; семейно-брачные отношения.

Владимир Викторович Хасин, к. ист. н.
Кафедра отечественной истории в новейшее время
Саратовский государственный университет
hasin1@rambler.ru

**СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ «РИТУАЛЬНЫХ» МОТИВАЦИЙ
В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ: «ЛЮЦИНСКОЕ ДЕЛО»[©]**

Кутаисский и Люцинский процессы стали апробацией схем «ритуальных дел» в пореформенном судопроизводстве, закончившейся в XIX веке «Мултанским делом» [1]. Эти судебные разбирательства, непосредственно не затронув классический ритуальный нарратив, сформулированный еще в Велижском и Саратовском «делах», адаптировали принципы формирования доказательной базы в новых процессуальных отношениях [3; 9]. Впоследствии, уже в начале XX века, симбиоз ритуальных текстов и процедура его инкорпорирования в судебный процесс были наглядно продемонстрированы в ходе дела Бейлиса [13]. В Кутаисском процессе междустрочный подтекст носил все элементы «кровавого» навета [8]. «Люцинское дело» представляет собой совершенно новый феномен.

Люцинский процесс (г. Лудза, современная Латвия), состоявшийся осенью 1884 г., еще в большей степени носит фольклорно-романтический характер, чем все предыдущие. 17 ноября 1883 г. из дома Зиммеля Лоцова убежала его служанка Мария Дрич, украв вещей приблизительно на 150 рублей. По следам, оставшимся от саней, было видно, что преступление было совершено Марией вместе с сообщниками, которых первоначальное следствие определило как заезжих воров. Тело убитой нашли 28 марта 1884 года в запруде, недалеко от дома подсудимых. Согласно экспертизе, девушка была задушена, а потом брошена в воду, где и пролежала несколько месяцев. Сразу после обнаружения трупа была выдвинута версия о причастности евреев к этому преступлению [12, с. 35]. По показаниям мачехи покойной и ее соседки, Мария якобы говорила им, что состоит в любовной связи со старшим сыном Лоцовых Янкелем и тот собирается принять православие (М. Дрич была католичкой) и жениться на ней. В день исчезновения Марии в доме Лоцовых было, по различным данным, от 10 до 50 евреев (как потом доказал защитник князь Урусов, они просто бы не смогли там поместиться) [Там же, с. 78]. На этом улики против Лоцовых и заканчивались.

Следствие, а затем и обвинение на процессе практически сразу определили основную версию событий. Воры, которые могли убить ненужную свидетельницу, исчезли из материалов дела. Возникла комбинированная схема преступления. Зиммель не мог позволить сыну принять христианство (а это был единственный способ вступить в брак, так как переход в иудаизм был запрещен законом). Убивать сына (чтобы избежать позора) ему, по мнению следствия, не хотелось. Таким образом, единственным способом справиться со сложившейся ситуацией было убийство служанки. Вот на этом этапе и появилась «ритуальная» подоплека